

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ТОПОНИМОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУССИЙ

На материале полуструктурированных интервью с гражданскими активистами, представителями городских властей и экспертами, занимающимися вопросами топонимики в Санкт-Петербурге, проводится анализ публичных дискуссий о переименовании советских географических названий. Выделяются 3 типа дискурсов, в рамках которых участники дискуссий выстраивают свои модели аргументации: (1) политический, (2) историко-культурный, (3) прагматический. Понятие политического дискурса применяется к такому режиму критики и оправдания, когда в фокус рассмотрения попадают коммеморативные составляющие названий, и сами названия рассматриваются как инструменты пропаганды. Историко-культурному дискурсу соответствует такой способ обсуждения, когда названия рассматриваются в качестве объектов культурного наследия, имеющих самостоятельную значимость независимо значения имен и символов, которые в них вписаны. Понятие прагматического дискурса применяется к такому режиму критики и оправдания, когда названия рассматриваются в качестве лингвистических ярлыков или пространственных ориентиров и из обсуждения исключаются вопросы об их политической и историко-культурной значимости. Описываются ключевые особенности каждого из дискурсов и социокультурный контекст артикуляции их принципов в публичном пространстве. Приводятся конкретные примеры, демонстрирующие суть предлагаемой аналитической модели, касающиеся некоторых наиболее резонансных случаев из недавней истории города: дискуссий вокруг переименований 1-10 Советских улиц, улицы Бела Куна, набережной Робеспьера, улицы Марата. Теоретическая рамка работы задана неопрагматистским взглядом на социальную реальность городской жизни, предполагающим антропологический подход к описанию публичной активности горожан. Затрагиваются вопросы конструирования городской историко-культурной идентичности, коллективной памяти и политики управления пространством.

Ключевые слова: переименование, коллективная память, неопрагматическая социология, дискурс-анализ, производство пространства.

Названия улиц, площадей и других территориальных единиц являются неотъемлемым элементом повседневных практик взаимодействия с городской средой. Задавая систему координат, они делают пространство интеллигибельным и управляемым (Azaryahu 1996). Кроме того, будучи частью символического ландшафта, топонимы включены в более широкий социокультурный контекст. Повсеместная распространенность и непроблематичный характер делают их важным инструментом навязывания тех или иных политических и культурных повесток (Alderman 2008). Это приводит к тому, что они становятся объектом пристального контроля со стороны властей, а также предметом острых дискуссий в публичном пространстве. Наибольший резонанс традиционно вызывают ситуации переименований, сопряженные со сменой коммеморативных ландшафтов.

Переименование географических объектов является распространенной практикой в обществах, переживающих радикальные социокультурные трансформации. Так, за последние полвека наиболее масштабные волны топонимических чисток* отмечаются в постколониальных и постсоциалистических странах. В России волна переименований прокатилась после распада СССР в 1991 г., когда на фоне борьбы с коммунистическим наследием произошла массовая десоветизация топонимии. С карты страны исчезли названия населенных пунктов, данные в честь деятелей коммунистической эпохи (Ленинград, Куйбышев, Свердловск** и др.), а также названия улиц, площадей и других территориальных единиц. К концу 1990-х гг. активность местных и федеральных властей в этом направлении стихла, однако вплоть до сегодняшнего времени продолжают возникать инициативы о переименовании, которые становятся предметом острых публичных дебатов. Их исследование представляет большой интерес для социологов и специалистов из смежных дисциплин, однако пока ему не уделяется должного внимания.

В статье предпринимается попытка анализа общественных дискуссий о переименовании советских топонимов на примере Санкт-Петербурга. Объектом анализа выступили полуструктурированные интервью с гражданскими активистами, экспертами и представителями властей, занимающимися вопросами городской топонимики. Анализ производится из перспективы неопрагматистского подхода к анализу социальной реальности, оформившегося в работах французских социологов Люка Болтански и Лорана Тевено (Тевено, Болтански 2000; Болтански, Тевено 2013). Методологическую основу исследования составила модель дискурс-анализа, предложенная австрийским социолингвистом Рут Водак (Водак 1997; Тичер и др. 2009).

* Понятие «топонимических чисток» (toponymic cleansings) используется культурными географами для обозначения масштабных кампаний по переименованию топонимов (см. Yeoh 1996).

** В 1991 г. городам были возвращены названия соответственно Санкт-Петербург, Самара, Екатеринбург.

Теоретический контекст исследования

Социокультурному исследованию топонимических практик в странах бывшего СССР, и в частности России, посвящен ряд работ, выполненных историками, политологами, культурологами, социальными географами и антропологами (Joenniemi 2003; Marin 2003; 2012; Туровский 2003; Дахин 2004; 2011; Gill 2005; Казакевич 2011; Тимофеев 2011; 2012; Немцев 2014 и др.). Несмотря на различия, обусловленные особенностями дисциплинарных полей, к которым относятся исследователи, эти работы объединяет попытка дать объяснение тем изменениям, которые претерпели символические ландшафты на постсоветском пространстве в 1990–2000-е гг., через апелляцию к их социальному и культурному контексту и анализ последствий, к которым они привели.

Несмотря на общий фокус рассмотрения топонимических практик, в этих исследованиях можно выделить несколько направлений. Так, одни авторы фокусируются на историко-таксономической реконструкции топонимических изменений, раскрывая их идеологические импликации и последствия (Gill 2005; Казакевич 2011; Тимофеев 2011, 2012; Немцев 2014). В центре других исследований — изучение способов функционирования топонимов в качестве мест памяти, формирующих региональный и локальный культурный ландшафт и территориальную идентичность (Туровский 2003; Дахин 2004; 2011; Соломина 2012). Ряд исследователей обращаются к рассмотрению геополитических оснований и последствий топонимических практик (Joenniemi 2003; Marin 2003; 2012).

Общим для всех работ является подход к рассмотрению топонимов, который можно назвать структуралистским. Его специфика заключается в том, что объектом подробного анализа становятся исключительно сами названия при практически полном отсутствии внимания к социокультурному контексту их существования и восприятия. Исключения составляют работы финского политолога Анаис Марин, в которых она анализирует дискуссии, сопровождавшие процесс переименования Санкт-Петербурга (Marin 2003), а также исследования российского культуролога Михаила Немцева, рассматривающего дискуссии вокруг двух топонимических кейсов из истории постсоветского Новосибирска (Немцев 2014). Однако и в этих работах сами дискуссии играют скорее иллюстративную роль. Последствием применения такого подхода к изучению практик переименования является реификация плюрализма социальных значений переименований к единственному измерению — политическому, когда топонимические чистки рассматриваются через призму символического суда над советским режимом. Это обуславливает нечувствительность подхода к изучению проблематичности не только различных моделей производства топонимического пространства, но и их восприятия.

В данной работе предлагается альтернативный подход к рассмотрению топонимических практик, который соответствует неопрагматистскому взгляду на социальную реальность. Теоретическую основу предлагаемого подхода составляет концепция социологии градов, предложенная Люком Болтански и Лораном Тевено (Тевено, Болтански 2000; Болтански, Тевено 2013). В основе этой концепции лежит представление о том, что в публичном пространстве проис-

ходит столкновение различных «миров», каждому из которых соответствует собственный режим критики и оправдания. Соответственно, задача исследователя заключается в раскрытии принципов эквиваленции, лежащих в основе различных режимов. На методологическом уровне предлагается применить одни и те же аналитические инструменты как к критике, так и к обоснованию определенного социального порядка (Болтански, Тевено 2000). Обобщение различных моделей рассмотрения в один «град», или дискурс, производится через установление определенного принципа эквиваленции между элементами дискурса, являющегося для него конституирующим.

Продуктивность применения такого подхода к исследованию топонимических практик обсуждалась в ряде теоретических работ (Терентьев 2014; Степанов 2014), однако эмпирических исследований в этом направлении пока не проводилось. В дополнение к теоретико-методологической модели социологии градов при анализе конкретных нарративов использовалась модель дискурсивного анализа Рут Водак, предполагающая выделение и анализ трех уровней существования дискурсов: лингвистической реализации, стратегий аргументации и содержания (Тичер и др. 2009). На лингвистическом уровне анализировалось то, каким образом участники дискуссии говорят о переименованиях, и какие лингвистические особенности свойственны различным дискурсам, или «мирам». На уровне стратегий аргументации мы обращали внимание на то, как участники дискуссий обосновывают свои позиции в отношении переименований. Наконец, на уровне содержания мы анализировали социальный смысл тех или иных моделей аргументации, характерных для определенных дискурсов.

Эмпирическая база

Материалом исследования выступили 17 полуструктурированных глубинных интервью. Выборка для интервью строилась по методу восьмиоконной модели (Штейнберг 2014). В группу экспертов попали 3 представителя городской топонимической комиссии, а также главные редакторы «Нового топонимического журнала»* и интернет-газеты «Карповка.ру»**, играющих важную роль в топонимической жизни Петербурга. Группу типичных информантов составили 4 активиста общественно-политических организаций и движений («Возвращение»***, «Сохраним Ленинград!»****, «Петро-

* Ежеквартальное краеведческое издание, посвященное топонимике Петербурга.

** Издание, являющееся официальным рупором топонимической комиссии Петербурга в СМИ.

*** Фонд «Возвращение» — всероссийская общественная организация, занимающаяся вопросами возвращения дореволюционных памятников и, в частности, топонимов.

**** «Сохраним Ленинград!» — градозащитное движение, занимающееся вопросами сохранения советского наследия в Санкт-Петербурге. Организатор ряда пикетов против переименований советских топонимов.

град»*, «Коммунисты Санкт-Петербурга и Ленинградской области»**), а также 2 представителя градозащитных организаций («Группа спасения памятников»***, «ЭРА»****). Все они в 1990–2000 гг. участвовали в различных публичных акциях, связанных с вопросами переименования советских названий в Санкт-Петербурге. Важно отметить, что в эту группу попали люди с разными социально-демографическими характеристиками (мужчины и женщины, представители различных возрастных групп), а также политическими ориентациями: от крайне правых (националисты и монархисты) до крайне левых (коммунисты и анархисты). В группу эксклюзивных информантов попали 2 представителя градозащитных движений «Живой город»***** и «ВООПИиК»*****, а также активист общественно-политической организации «Белое дело»*****: хотя деятельность организаций, в которых они состоят, связана с вопросами городской топонимики, в публичных дискуссиях на тему переименований советских названий они не участвовали. Наконец, в группу нетипичных информантов попали, во-первых, 2 активиста, выступавшие с определенными инициативами о переименовании советских названий и не состоящие ни в каких организациях или движениях, и, во-вторых, ведущая передачи «Возвращение в Петербург»***** на официальной радиостанции Санкт-Петербургской митрополии русской православной церкви, занимающаяся сбором подписей в поддержку переименования советских названий в Санкт-Петербурге.

* Общество «Петроград» — неформальная общественная организация, организатор ряда пикетов за переименование улицы Бельи Куна в Санкт-Петербурге в 2011 г.

** «Коммунисты Санкт-Петербурга и Ленинградской области» — политическая организация, организатор ряда пикетов против переименования советских названий.

*** «Группа спасения памятников» — градозащитное движение, организатор ряда мероприятий, направленных на привлечение внимания горожан к вопросам возвращения дореволюционных названий в 1990-х гг.

**** Группа «ЭРА» — градозащитное движение, организатор ряда публичных акций в поддержку восстановления дореволюционных названий в Санкт-Петербурге.

***** «Живой город» — градозащитное движение, участвовавшее во многих резонансных мероприятиях, направленных против сноса памятников историко-культурного наследия в Петербурге.

***** «ВООПИиК» (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры) — всероссийская общественная организация, занимающаяся вопросом сохранения объектов культурного наследия.

***** «Белое дело» — общественная организация, занимающаяся восстановлением и установкой памятников участникам белого движения.

***** «Возвращение в Петербург» — передача на радиостанции «Град Петров», посвященная вопросам восстановления дореволюционных названий в Санкт-Петербурге.

Интервью были сфокусированы на таких темах, как: (1) общая позиция по вопросу переименования советских названий (как личная, так и коллективная, если информант выступал как представитель той или иной организации), (2) позиции по конкретным случаям из современной истории города (как личные, так и коллективные, если информант выступал как представитель той или иной организации), (3) оценка важности топонимии в ряду других городских проблем, (4) экспертная оценка общественных дискуссий на тему переименования советских названий в Санкт-Петербурге, (5) экспертная оценка механизмов принятия топонимических решений, (6) описание и оценка опыта участия в гражданском активизме, связанном с вопросами переименования советских названий (для гражданских активистов).

Средняя продолжительность интервью составила около 1 часа. Интервью были проведены автором статьи в 2011-2014 гг. Принимая во внимание тот факт, что в задачи исследования не входило изучение состояния общественной дискуссии на определенный временной этап, различия во времени проведения интервью представляются незначимыми.

Переименование советских названий в Санкт-Петербурге

Переименование Ленинграда в Санкт-Петербург, произошедшее в 1991 г. на волне демократических реформ, стало одним из символов десоветизации российского общества. Уникальность этого случая заключается в том, что решение о переименовании было принято на основании результатов городского референдума, который проходил параллельно с выборами первого мэра города. За восстановление первоначального названия проголосовали около 54 % горожан (подробнее см. Волков 2011). Вслед за этим в городе прокатилась волна «топонимических чисток»: на карту города были возвращены несколько десятков дореволюционных названий. В частности, были восстановлены такие названия, как Большой Сампсониевский проспект (бывший проспект Карла Маркса), Сенная площадь (площадь Мира), Каменоостровский проспект (проспект Кирова), Гороховая улица (улица Дзержинского) и др. (подробнее см. Кулыбин 2012). После 1993 г. активность городских властей в этом направлении снизилась, и за период с 1994 по 2010 г. произошло всего 29 переименований, а в 2012 г. губернатор города Георгий Полтавченко ввел трехлетний мораторий на изменение топонимов, сославшись на результаты интернет-голосования горожан, показавшего отсутствие единого общественного мнения по вопросам переименования. Тем не менее, градус общественных дискуссий по вопросам переименования советских названий продолжает оставаться достаточно высоким. Свидетельством этому являются бурные дебаты вокруг некоторых названий.

Одним из наиболее ярких примеров является дискуссия о переименовании улицы Белы Куна, названной в честь венгерского революционного деятеля. Инициатором дискуссии стало общество «Петроград», которое в 2011 г. провело серию пикетов под общим лозунгом «Имя палача — с улицы в учебник!». Инициативу поддержал ряд общественно-политических организаций монархической и националистической направленности («Народный собор», «Рус-

ское имперское движение»), а также фонд «Возвращение» и православная общественность. В итоге активисты подготовили обращение на имя городской топонимической комиссии с просьбой о переименовании улицы. Их противниками выступили представители левых общественно-политических организаций и, в первую очередь, «Коммунисты Санкт-Петербурга и Ленинградской области», которые в своем официальном постановлении заявили, что будут бороться с переименованием улиц друзей России (КПЛО категорически возражает... 2012). В разное время в дискуссию также были вовлечены представители городских властей, известные горожане, а также местные жители. Итогом дискуссии стал отказ в переименовании со стороны городских властей, однако обсуждение названия продолжается до сих пор.

Другой пример — дискуссия о переименовании 1-10 Советских улиц. В отличие от улицы Белы Куна, у которой не было другого названия, Советские улицы до 1923 г. носили название 1-10 Рождественских улиц по храму Рождества Христова, который находился в этом районе. Соответственно, дискуссия касалась не только советского, но и старого названий. Изначально вопрос о переименовании улиц был поставлен на повестку дня топонимической комиссией еще в 1998 г., однако фактическое обсуждение вопроса откладывалось городскими властями, и решение так и не было принято*. Новый виток дискуссии относится к 2012 г., когда члены топонимической комиссии приняли решение вынести вопрос о переименовании на голосование горожан. Голосование проводилось в форме онлайн-опроса на региональных новостных порталах «Карповка.ру» и «Фонтанка.ру». В течение двух недель участниками опроса стали более 10 тыс. человек. Мнения участников опроса разделились примерно поровну, что стало поводом для установления моратория на переименование советских названий. В рамках рассмотренного опроса помимо переименования 1-10 Советских улиц горожане также высказывали свое мнение по другим обсуждаемым случаям и, в частности, вопросам о восстановлении старых названий улиц Марата (Николаевская) и набережной Робеспьера (Воскресенская).

Дискурсы о переименовании

Анализ интервью, полученных в ходе проведения исследования, показывает высокую степень неоднородности публичных дискуссий о переименовании советских названий в Санкт-Петербурге. Так, в отношении одних и тех же случаев информанты высказывали разные аргументы, соответствующие различным способам восприятия топонимической среды. Используя терминологию Болтански и Тевено, данные способы восприятия можно обозначить как принципы эквивалентности соответствующих дискурсов.

* Здесь необходимо отметить специфику институциональных рамок принятия топонимических решений в Санкт-Петербурге, в соответствии с которыми топонимическая комиссия имеет консультативную функцию, а право выносить фактические решения о наименовании / переименовании городских объектов остается за губернатором города.

Политический дискурс

Одним из таких принципов является рассмотрение топонимов в качестве инструментов пропаганды, задающих систему социальных и политических координат. Отчетливо смысл такого принципа демонстрирует следующее высказывание одного из информантов: *«Топонимика — она указывает людям и молодому поколению, на кого надо ориентироваться.... Все-таки люди должны видеть, что увековечивают героев, патриотов. Улицы имеют воспитательное значение»* (противник переименования советских названий).

В рамках этого дискурса, который мы обозначили как *политический*, предметом обсуждения являются не сами названия, а их коммеморативные составляющие: имена, символы, события. Соответственно, аргументации участников дискуссии касаются различных способов их интерпретации. Наибольшие споры традиционно вызывают «именные» названия в честь тех или иных исторических деятелей. Характерными в этом контексте являются следующие мнения двух информантов, репрезентирующие две точки зрения на репутацию Бела Куна: *«Мы не должны прославлять палача Бела Куна, который отличился сначала в Сибири, а потом в Венгрии, где он захватил власть, и было много жертв. Там большевики проиграли, и он уехал в Россию. Его послали в Крым, где он уничтожил, в том числе и лично, десятки тысяч русских людей»* (активист общества «Петроград»). *«Бела Кун — герой гражданской войны. Во время Первой мировой войны был взят в плен и потом стал коммунистом. И он, действительно, один из участников расправ с представителями белого движения, однако в то время насилие допускали обе стороны»* (активист движения «Сохраним Ленинград!»).

Если в рамках первого нарратива Бела Кун рассматривается как палач и убийца, то во втором нарративе негативные факты из его биографии, связанные с участием в массовых репрессиях, нормализуются через указание на симметричность красного и белого терроров и он провозглашается героем гражданской войны. Аналогичные примеры можно найти и в других дискуссиях. Так, сторонники переименования улицы Марата называют французского революционного деятеля «кровавым палачом», «убийцей» и «злодеем», а их противники «пламенным революционером» и «поборником свободы». При этом в отношении улицы Марата встает вопрос не только о существующем названии, но и о старом названии — Николаевская (в честь императора Николая I). Одни считают Николая I «святым императором», другие — «упырем»: *«И чем, так сказать, император Николай I настолько более выдающийся товарищ, чем, там, какой-нибудь Марат? Такой же упырь был, просто в другую сторону»* (активист движения «Живой город»). *«Маратов, Робеспьеров и всех этих злодеев, на самом деле, вон, потому что у нас своих хватает российских достойных общественных деятелей, благотворителей, меценатов, попечителей, не знаю, даже император Николай I не увековечен»* (активист организации «Белое дело»).

В отношении 1-10 Советских улиц, как и в отношении набережной Робеспьера, встает вопрос не только об оценке советского прошлого и личности Робеспьера, но и о религиозных коннотациях названий, которые предлагается вернуть. Сторонники переименования интерпретируют акт переименования как символический акт возврата к «светлым православным ценностям, забы-

тым в советское время», а их оппоненты — как «знак религиозной пропаганды, недопустимый в светском обществе, которым является современная Россия».

На уровне лингвистической реализации для политического дискурса характерно использование эмоционально окрашенной и в некоторых случаях обценной лексики. Участники дискуссий обычно обращаются к таким стратегиям аргументации, когда репутационные и / или исторические политики легитимируются за счет обращения к нормам права или нравственности. Так, сторонники переименования часто указывают на то, что правовую базу для переименований может составить федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Контраргументом противников переименования обычно является указание на тот факт, что в законе не перечислены конкретные имена тех, кого можно считать организаторами репрессий. Кроме того, в отношении того же Бела Куна, как уже упоминалось, постулируется невозможность применения некоторых существующих законов ввиду того, что они относятся к ситуации мирного времени, а деятельность венгерского революционера происходила во время войны. На уровне содержания в рамках этого дискурса происходит борьба за навязывание определенных исторических или репутационных политик, которую в терминах американского социолога Гэри Файна можно назвать «репутационной войной» (Fine 1996). В соответствии с предложенной им концепцией, функционирование социальной памяти в обществе происходит в форме конкуренции между различными социальными акторами и институтами (репутационными антрепренерами), которые борются за легитимацию определенных репутационных политик, используя при этом свои нарративные способности, институциональное положение и мотивацию. В случае Санкт-Петербурга основными репутационными антрепренерами становятся общественно-политические организации, представляющие различные полюса политического спектра, а также представители духовенства.

Историко-культурный дискурс

Другому принципу эквивалентности соответствует такой способ восприятия названий, когда топонимы рассматриваются как важные составляющие историко-культурного наследия города, значение которых не сводится к значению их коммеморативных составляющих. Демонстрацией этого принципа является следующее высказывание одного из членов топонимической комиссии: *«Топонимическая городская среда есть такой же элемент наследия, как и среда архитектурная. И этот элемент имеет собственное культурное значение, совсем не эквивалентное значению имен людей, помещенных на карту города. Вопросы топонимики суть вопросы культуры, а не политики»* (член топонимической комиссии).

Характерной чертой историко-культурного дискурса является различие двух типов вопросов о переименовании: вопросов о восстановлении старых названий (когда таковые имелись) и собственно вопросов о переименовании (когда других названий не было). Для репрезентации первого типа вопросов используется устойчивая лингвистическая конструкция «возвращение исторических названий», второй тип обозначается как «переименование». Такое различие

имеет содержательный характер. Помимо фиксации некоторых формальных различий между двумя типами вопросов, оно становится инструментом нормативного маркирования обсуждений одних типов вопросов в качестве легитимных (возвращение исторических названий), а других в качестве нелегитимных (переименования). Наглядной иллюстрацией здесь может служить следующая цитата одного из информантов: *«Переименование и возвращение — это не синонимы. Понимаете, да? То есть, когда мы говорим о возвращении, мы говорим об исправлении ошибки, связанной с неправильным переименованием. Вот что такое возвращение. А возвращение — это антипереименование, контрпереименование. Это борьба с переименованиями»* (активист фонда «Возвращение»).

Если в случае «возвращения исторических названий» оценка ценности старых и новых названий может быть предметом обсуждения, то в случае «переименования», ввиду отсутствия альтернатив, историческим является единственное существующее название. В этом контексте акторы, апеллирующие к ценностям историко-культурного дискурса, солидарны в вопросе о переименовании улицы Белы Куна и выступают за сохранение советского названия: *«Здесь речь не идет о возвращении исторического названия. Исторического названия у улицы Белы Куна нет. Значит, ни о какой исторической ценности говорить не приходится. Белы Куна тоже имеет свою ценность как историческая»* (член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга).

В отношении 1-10 Советских улиц, а также набережной Робеспьера и улицы Марата единое мнение отсутствует, и аргументы сторон касаются различных стратегий определения историко-культурной ценности. Основной аргумент сторонников переименования — первенство старых названий. В соответствии с ним конструируется такой принцип определения исторической ценности топонимов, который можно назвать принципом *«авторских прав»*: более ценным является более старое название. Противники переименования называют позицию своих оппонентов антиисторичной, отмечая, что советские названия являются не менее ценными, чем дореволюционные, поскольку в них вписана новая история, которую нельзя подвергать забвению. В результате формируются два крайних полюса, фиксирующие границы вариативности различных стратегий определения историко-культурной ценности. В соответствии с первым, топонимический ландшафт города должен быть восстановлен на момент 1917 г. (поскольку именно после этого прошла основная волна переименований). В соответствии со вторым — топонимический ландшафт должен быть законсервирован на текущий момент.

Двум этим позициям соответствуют различные способы восприятия историко-культурной идентичности города, в основе которых лежат различные «городские мифы». Один из них — это «миф об имперской столице», другой — «миф о городе-герое Ленинграде, колыбели трех революций»: *«Это была столица Российской империи — Санкт-Петербург.... Мы должны сохранить память о нем в названиях улиц и других памятниках»* (сторонник восстановления дореволюционных названий). *«Как ни крути, Ленинград — это колыбель трех революций и город, выдержавший блокаду. И есть много объектов наследия Ленинграда — не Санкт-Петербурга»* (активист движения «Сохраним Ленинград!»).

Некоторые участники дискуссий обвиняют эти подходы в «радикализме» и пытаются интегрировать различные мифы в единую картину, говоря о том, что Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград является сложным хронотопом, сочетающим в себе различные исторические и культурные пласты, ко всем из которых надо относиться с уважением. Примером такого дифференцированного подхода к определению историко-культурной значимости топонимов является следующий фрагмент из беседы с информантом, где приводятся примеры советских названий, которые должны быть сохранены при общем курсе на максимальное восстановление дореволюционной топонимии: *«Безусловно, мы не закончили топонимическую реставрацию, которая началась в конце 1980-х годов, но в названиях, которые остались, есть несколько пластов. Например, та же самая улица Марата сумела стать чисто ленинградским, питерским топонимом, действительно, со своей историей, которая уже и в литературе, и в поэзии Розенбаума стала таким символическим питерским местом»* (активист ВООПИиК).

Информант здесь указывает на то, что такие названия, как улица Марата, хотя и не являются первоначальными, стали важными «местами памяти» (Нора 1999) или элементами городской loci-совокупности (Йейтс 1997), составляющими основу городской идентичности. Соответственно, их утрата является нежелательной для города. При этом из-за особенностей топонимической истории города, связанной с тем, что многие названия переименовывались по несколько раз еще в досоветский период, «местами памяти» могут являться не только предреволюционные и советские топонимы, но и названия, относящиеся к более древним историко-культурным пластам.

На уровне лингвистической реализации этот дискурс характеризуется эксплицитированием отстройки от политического дискурса, которая осуществляется за счет подчеркивания внеидеологического характера используемых суждений (культура, а не политика). Кроме того, для этого дискурса характерно использование конструкций, содержащих слова «исторический» и «историко-культурный» («культурно-исторический»). Часто это происходит в гиперболизированной форме, когда в одном предложении эти конструкции используются по несколько раз. Лингвистическими доминантами дискурса также являются понятия «наследие» и «историческая ценность». Аргументации сторон обычно оформляются в виде экспертных заключений, которые репрезентируются как максимально безоценочные. Следствием этого является отсутствие эмоционально окрашенной лексики. Стратегии аргументации акторов касаются различных способов определения историко-культурного наследия города и, как следствие, городской идентичности. На уровне содержания это можно соотнести с попытками институционального закрепления определенных городских мифов в форме консервации одних и уничтожения других пластов культурной памяти. Проводниками этого дискурса в публичной сфере обычно становятся, во-первых, градозащитные организации и движения, и, во-вторых, специалисты-историки и краеведы, которые играют роль экспертов в области городской истории и культуры. Активным сторонником такого подхода к топонимии в Санкт-Петербурге также является топонимическая комиссия, возможно, потому, что ее костяк составляют краеведы и специалисты по истории Санкт-Петербурга.

Прагматический дискурс

Наконец, третий основной принцип эквиваленции, представленный в публичных дискуссиях о переименовании советских топонимов в Санкт-Петербурге, предполагает рассмотрение городских названий в качестве простых лингвистических ярлыков или географических указателей. При этом из фокуса рассмотрения исключаются как обсуждение коммеморативных составляющих названий, так и их историческая значимость. Вместо этого названия оцениваются с точки зрения «благозвучности», «произносимости» и «привязки к территории». Характерной в этом контексте является следующее высказывание одного из членов топонимической комиссии: *«Название улицы — это, в первую очередь, ориентир в пространстве. Оно должно указывать направление. Под таким соусом его и нужно воспринимать.... Кроме того, название должно быть благозвучным. Иначе как люди будут его произносить?»* (член топонимической комиссии).

В соответствии с таким принципом, критика и обоснование переименований строится, с одной стороны, вокруг обсуждения лингвистических особенностей названий и, с другой стороны, вокруг обсуждения того, насколько они выполняют функцию ориентирования в городском пространстве. Так, в дискуссии о переименовании улицы Белы Куна одним из центральных аргументов сторонников переименования являлось указание на непроизносимость существующего названия: *«Улица Белы Куна с точки зрения русского языка — это кошмар.... Поэтому его и коверкают все время»* (член топонимической комиссии).

В случае улицы Марата одним из аргументов противников переименования было указание на то, что советское название является более коротким и удобным для произнесения по сравнению с тем названием, которое предлагается восстановить (Николаевская): *«А вот улице Марата переименование в Николаевскую на пользу не пойдет.... Лучше оставить нынешнее — оно хотя бы короткое»* (главный редактор интернет-портала «Карповка.ру»).

Стоит отметить, что данный дискурс представлен в анализируемых интервью значительно меньше, чем политический и историко-культурный, и в большинстве случаев используется в качестве дополнения к ним. Тем не менее, в некоторых случаях апелляция к ценностям прагматического дискурса становится решающим фактором при обосновании той или иной позиции.

На уровне содержания в рамках этого дискурса происходит «расколдовывание» топонимов. Постулируется, что название не имеет иного смысла, кроме того, что обозначает определенную часть пространства, которая может быть обозначена и любым другим способом. В этом смысле название является всего лишь способом сделать пространство осмысляемым и управляемым (доступным для управления). Соответственно, в фокусе внимания оказываются исключительно формальные характеристики названий, а за рамками обсуждения остаются вопросы об их происхождении, роли в истории и культуре и др. Поэтому введенное в историко-культурном дискурсе различие двух типов вопросов о переименовании становится неактуальным для прагматического дискурса. На уровне лингвистической реализации это проявляется в том, что для

репрезентации всех случаев используется ярлык «переименование». Типичной стратегией аргументации в прагматическом дискурсе является субъективная оценка названий, отсылающая к индивидуальному опыту говорящего. Такая стратегия, с одной стороны, делает подобные суждениями уязвимыми для критики ввиду своей субъективности, а с другой, позволяет избежать обвинений в ангажированности — в первую очередь, политической.

Заключение

На примере анализа публичных дискуссий о переименовании советских топонимов в Санкт-Петербурге были выделены три типа дискурсов, которые соответствуют различным способам восприятия географических названий. Понятие политического дискурса было применено к такому режиму критики и оправдания, когда в фокус рассмотрения попадают коммеморативные составляющие названий, а сами названия рассматриваются как инструменты пропаганды. Историко-культурному дискурсу соответствует такой способ восприятия топонимов, когда они рассматриваются в качестве объектов культурного наследия, имеющих самостоятельную значимость безотносительно значения тех имен и символов, которые в них вписаны. Наконец, понятие прагматического дискурса применено к такому режиму обсуждения, когда названия рассматриваются в качестве лингвистических ярлыков или пространственных ориентиров, и из обсуждения исключаются вопросы об их политической и историко-культурной значимости. Важно понимать, что данные дискурсы представляют собой своего рода «идеальные типы» в веберовском смысле, поскольку в реальных практиках артикуляции они переплетаются между собой и редко встречаются в чистом виде. Тем не менее, каждый из них имеет свои особенности, которые проявляются на уровнях лингвистической реализации, стратегий аргументации и содержания. Кроме того, их основными проводниками в публичной сфере в большинстве случаев являются различные типы акторов.

Введенное различие позволяет дополнить существующие подходы к анализу топонимических практик, представленные в работах социальных географов, антропологов, политологов и культурологов, и открывает социологические перспективы изучения практик наименования и переименования географических объектов. Специфика рассматриваемого кейса и особенности проанализированных материалов свидетельствуют о том, что дальнейшая разработка темы требует проведения сравнительных исследований, объектом которых стал бы более широкий круг источников. Актуальным также представляется исследование возможностей использования дополнительных теоретико-методологических ресурсов социологии и социального знания применительно к изучению топонимических практик.

Литература и источники

- Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.
- Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М.: НЛО, 2013.

Водак Р. Язык, дискурс, политика. Волгоград: Перемена, 1997.

Волков С. Почему Собчак не хотел переименовывать Ленинград в Петербург // 812 Online. 07.09.2011. [<http://www.online812.ru/2011/09/07/005/>]. Дата доступа 10.04.2015.

Голубкова М. В Петербурге объявлен трехлетний мораторий на переименование улиц // Российская газета. 18.05.2012. [<http://www.rg.ru/2012/05/18/reg-szfo/names-anons.html>]. Дата доступа 10.04.2015.

Дахин А. Имена городов в структуре локальных социо-культурных пространств // Возвращенные имена: Идентичность и культурный капитал переименованных городов России. Н. Новгород: IREX, «Профессионалы за сотрудничество», 2004, с. 24–30.

Дахин А. Город как место памятования // Аналитика культурологии, 2011, 19.

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.

Казакевич А. Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас, 2011, 6, с. 10–16.

Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

КПЛО категорически возражает против переименования улиц имени героев Гражданской // Сайт организации «Коммунисты Санкт-Петербурга и Ленинградской области». 28.08.2012. [<http://kplo.ru/content/view/2682/5/>]. Дата доступа 10.04.2015.

Кулыбин М. Название улиц Петербурга: вперед в прошлое. // Бн-Газета. 27.01.2012. [<http://www.bn.ru/articles/2012/01/27/89501.html>]. Дата доступа 10.04.2015.

Немцев М. О неизменности топонимики постсоветского Новосибирска // Историческая разметка пространства и времени. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 19–43.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Соломина И. Социальная память города: формы запоминания и забвения // Город и время. Интернациональный научный альманах Life sciences: в 2-х тт. Т. 2, 2012, с. 163–168.

Степанов Б. Улицы Советская в постсоветском городском ландшафте // Историческая разметка пространства и времени. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014, с. 19–43.

Тевено Л., Болтански Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2000, 3(3), с. 66–83.

Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2014, 3, с. 73–87.

Тимофеев М. Ю. «Советские» наименования в современной России: меморативные практики в городской среде // Пути России. Историзация социального опыта. Т. 18. М.: НЛО, 2011.

Тимофеев М.Ю. Бес/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2012, 1, с. 4–18.

Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

Туровский Р. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003, с. 4–36.

Штейнберг И. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: 4М, 2014, 38, с. 38–71.

Alderman D. Place, naming and the interpretation of cultural landscapes, in: *The Ashgate research companion to heritage and identity*, ed. by B. Graham, P. Howard. The Ashgate Publishing, 2008, pp. 195–214.

Azaryahu M. The power of commemorative street names, *Environment and planning D: Society and Space*, 1996, 14(3), pp. 311–330.

Fine G.A. Reputational entrepreneurs and the memory of incompetence: Melting supporters, partisan warriors, and images of President Harding: The construction of meaning, *American Journal of Sociology*, 1996, 101(5), pp. 1159–1193.

Gill G. Changing symbols: the renovation of Moscow place names, *The Russian Review*, 2005, 64(3), pp. 480–503.

Joenniemi P. The New Saint Petersburg: Trapped in Time?, *Alternatives: Global, Local, Political*, 2003, 28(5), pp. 583–609.

Marin A. *From Leningrad to the 'new' St. Petersburg: Actors and Symbolic Stakes of Renaming Russia's 'Northern Capital'*. URL: http://net-conf.org/articles_2_Marin_eng.htm. Accessed 10.04.2015.

Marin A. Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg, *Geopolitics*, 2012, 17(1), pp. 192–16.

Yeoh B.S.A. Street-naming and nation-building: toponymic inscriptions of nationhood in Singapore, *Area*, 1996, 28(3), pp. 298–307.